

О П А С Н Ы Е Ч У В С Т В А

К Н И Г А 1

У него всё под
контролем.
Кроме неё.

ЕГО УСЛОВИЕ

L. VEYRON

L Veyron

Его условие

«Автор»

2026

Veyron L.

Его условие / L. Veyron — «Автор», 2026

Мне предложили работу личным помощником одного из самых закрытых предпринимателей Москвы. Высокая зарплата, квартира, машина — и только одно правило: никогда не подниматься на третий этаж его дома. Я нарушила его через одиннадцать дней. За запертой дверью я нашла десятки своих фотографий. Самой старой — три года. Но Кирилла Воронцова я встретила всего одиннадцать дней назад. По крайней мере, я так думала. Теперь мне нужно узнать, почему он следил за мной, что произошло три года назад и почему человек, которому я не должна доверять, становится единственным, рядом с кем я чувствую себя в безопасности.

© Veyron L., 2026

© Автор, 2026

L Veyron

Его условие

ОПАСНЫЕ ЧУВСТВА · КНИГА 1

ЕГО УСЛОВИЕ

романтический триллер

L. Veyron

ОПАСНЫЕ ЧУВСТВА

Книга первая

Художественное произведение. Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

© L. Veyron, 2026

Возрастное ограничение: 16+

«Самые опасные условия — те, на которые мы соглашаемся, не прочитав, что написано между строк.»

ГЛАВА 1 — УСЛОВИЕ

Москва умела делать вид, что у каждого человека есть выбор. Нужно было только смотреть на ее стеклянные башни достаточно издалека.

Письмо от рекрутера пришло в семь сорок утра, когда я стояла в очереди за кофе и мысленно считала, хватит ли денег до конца месяца. Название Vektor Systems я знала: компания делала системы кибербезопасности для банков и больших корпораций, а ее основатель почти не давал интервью. Вакансию личного помощника я не искала. Более того, никогда не отправляла им резюме.

В переговорной не было ни кадровика, ни привычной воды в бутылках. Только мужчина у окна. На фотографиях Кирилл Воронцов казался старше и жестче; в жизни первое впечатление было опаснее — он выглядел человеком, который давно привык получать ответы раньше, чем задает вопросы.

Он спросил, почему я трижды меняла работу за два года, почему не уехала из Москвы после исчезновения подруги и почему в моем резюме нет периода с мая по август три года назад. Последний вопрос заставил меня замолчать. О тех месяцах я не писала нигде.

Телефон дернулся от уведомления, и я вздрогнула сильнее, чем следовало. Обычные звуки быстро перестают быть обычными, когда ждешь плохих новостей. Мне не нравилось, насколько легко его присутствие меняло температуру комнаты.

— Вы всегда ставите условия до того, как объясняете правила? — спросила я.

— Только когда правила могут сохранить человеку жизнь.

— Звучит почти заботливо.

— Не путайте заботу с расчетом, — сказал Кирилл. Но отвел взгляд первым.

Теперь это касалось уже не чужих секретов. В контракте есть отдельный пункт: в доме Воронцова ей запрещено подниматься на третий этаж. После этого уйти означало бы добровольно отдать кому-то другому право поставить точку в моей истории.

Я убрала телефон в карман и сразу поняла, что этот жест ничего не спрятал. Его спокойствие раздражало именно потому, что я уже научилась замечать, сколько усилий оно ему стоит.

— Почему именно третий этаж?

— Потому что я не плачу людям за любопытство.

Позже я несколько раз возвращалась к этому моменту и каждый раз находила в нем новую деталь. Я внимательно смотрела на Кирилла, пытаюсь понять, где заканчивается его привычка все контролировать и начинается чувство вины. В разговорах о брате это различие исчезало. Он становился человеком, который три года прокручивал одну и ту же ночь и каждый раз находил способ обвинить себя.

Мы снова собрали хронологию трехлетней давности. Майя нашла след, Андрей решил ей помочь, я случайно оказалась рядом. Потом один человек погиб, другая исчезла, а несколько часов моей жизни превратились в провал. Чем точнее становились даты, тем труднее было верить, что это просто набор совпадений.

Стекло отражало нас лучше любого зеркала: двух людей, каждый из которых что-то скрывал. Майя всегда говорила, что страх любит пустоты: если не знаешь, что произошло, он обязательно придумает худшую версию. Похоже, три года я жила именно внутри такой версии.

Кирилл снова предложил передать все профессионалам. Я напредила, что профессионалы уже три года работали с той версией событий, которую им оставили. Он не спорил долго. Возможно, начал понимать: участие в собственной истории — не то право, которое можно выдать или отозвать.

Следующие часы ушли на звонки и сверку документов. Мы двигались от имени к имени, от даты к дате. Некоторые собеседники бросали трубку сразу, другие начинали говорить слишком много, как только понимали, что мы уже знаем половину ответа. Самыми опасными оказывались третьи — те, кто сохранял идеальное спокойствие.

Кофе остыл, но я по-прежнему держала чашку обеими руками. Тепла в ней уже не было; оставалась только привычка цепляться за что-то обычное. Я больше не спрашивала себя, доверяю ли Кириллу полностью. Полностью я в тот момент не доверяла даже собственной памяти. Я доверяла конкретным действиям — и этого пока хватало.

Поздно вечером мы обнаружили, что за весь день ничего не ели. В холодильнике нашлись сыр, вода и лимон. Кирилл посмотрел на содержимое так, будто это был особенно сложный киберинцидент, и я впервые за несколько дней рассмеялась. Смех прозвучал неуместно — и именно поэтому оказался необходим.

Кирилл сделал шаг ко мне, но остановился раньше, чем расстояние стало бы вторжением. Он ждал, пока я сама решу, подпускать ли его ближе. Он сказал, что после всего хочет хотя бы один день не принимать решений за других. Я ответила, что это звучит как прекрасное начало терапии. Он посмотрел на меня так, будто собирался возмутиться, но передумал.

Я вернулась к заметкам и провела пальцем по датам на полях. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Тишина была плотной, почти материальной; в ней отчетливо слышались шаги и собственное дыхание. Мы снова обсуждали то, что случилось в офисе Vektor Systems в Москва-Сити. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Кирилл показал мне журнал доступа и предложил самой проверить временные метки. Раньше я бы решила, что это демонстрация контроля. Теперь поняла: он сознательно отдавал мне возможность проверить его версию независимо.

Я подошла к окну, но вместо улицы увидела собственное отражение. Я спросила, сколько людей может быть связано с Velvet. Кирилл не назвал точную цифру. Он сказал, что сеть строилась не из посвященных, а из компромиссов: одна услуга, один скрытый проступок, одна подпись там, где человек предпочел не читать условия.

— То есть достаточно однажды испугаться?

— Для начала — да, — ответил он. — Потом тебя учат бояться последствий всю жизнь.

Я подумала о Майе. Мне долго было проще злиться на нее за риск, чем признать, насколько сильно я по ней скучаю. Злость позволяла продолжать наш старый спор хотя бы у себя в голове. Горе требовало принять, что ответа от нее может больше не быть.

Минуту никто не говорил. Иногда молчание — это просто пауза. Иногда признание. Кирилл заметил мою усталость и предложил остановиться. Я отказалась не из упрямства, а потому что впервые понимала, зачем продолжаю. Я больше не хотела вернуть прошлое. Я хотела перестать позволять ему управлять настоящим.

При этом я не собиралась превращать понимание Кирилла в автоматическое прощение. Он мог заботиться обо мне и одновременно быть неправым, когда скрывал правду. Эти две вещи прекрасно помещались рядом, как бы неудобно это ни было.

Факт лег на место слишком точно. Я не почувствовала облегчения — только новую тяжесть. Я записала его в блокнот Майи и поставила рядом дату. Мне хотелось, чтобы теперь наша версия событий существовала не только в чужих архивах.

Страх никуда не исчез, просто рядом с ним появилось доверие — неудобное, хрупкое и оттого особенно заметное. Я посмотрела на Кирилла и увидела тот же расчет риска. Только теперь мы оба понимали: цена следующего шага касается уже не только прошлого.

Я должна была уйти. Вместо этого поставила подпись.

• • •

Я всегда считала тревогу плохой советчицей. В тот день она оказалась единственной, кто говорил со мной честно.

Первый рабочий день начался с расписания, составленного с точностью до пяти минут. Кирилл почти не повышал голос — ему это было не нужно. Люди и без того замолкали, когда он входил в комнату. Вера Павловна, управляющая домом, встретила меня с осторожной доброжелательностью, а начальник охраны Роман Берестов посмотрел так, будто мое имя уже лежало в его папке задолго до нашего знакомства.

Стекло под ладонью оказалось ледяным, и этот простой физический холод неожиданно отрезвил меня. Я не хотела быть человеком, которого спасают без разрешения. Но еще меньше хотела быть человеком, который из гордости отказывается видеть опасность.

Я перечитала эту строку дважды: на рабочем планшете я случайно заметила папку с собственными инициалами: ES-17. Она исчезла с экрана через секунду, но этого хватило. Формулировка была сухой, почти канцелярской, и именно поэтому пугала. За ней стояли люди, которые очень рассчитывали, что я никогда не начну задавать правильные вопросы. За одной строкой стояли три года молчания и люди, которые очень рассчитывали, что я никогда не стану задавать правильные вопросы.

Я сложила руки на груди, чтобы не выдать дрожь в пальцах. Он подошел ближе и замер на той невидимой границе, которую теперь научился замечать без подсказок.

Роман задержался у двери.

— Совет, Ева Сергеевна: если хозяин дома говорит, что куда-то не стоит заходить, обычно у него есть причина.

— А если причина касается меня?

Роман помолчал.

— Тогда особенно.

— Что означает ES-17?

Кирилл посмотрел на экран и заблокировал его одним движением. — Не ваша работа.

Минуту никто не говорил. Иногда молчание — это просто пауза. Иногда признание. Когда речь заходила о прошлом, деловой Воронцов исчезал почти незаметно. Оставался Кирилл — усталый, упрямый, слишком привыкший считать чужую безопасность своей обязанностью. Это не делало его решения правильными, но делало их понятнее.

На столе лежали распечатки, старые сообщения и фотографии. Если смотреть на них по отдельности, ничего невозможного не происходило. Но вместе они складывались в узор: Майя шла к разоблачению, Андрей прикрывал ее, я увидела слишком много, а после кто-то последовательно убирал следы.

Тишина была плотной, почти материальной; в ней отчетливо слышались шаги и собственное дыхание. Я подумала, что прошлое не становится безопаснее только потому, что проходит время. Иногда оно просто учится ждать, пока мы снова откроем нужную дверь.

Работа стала почти механической: открыть журнал, проверить метку времени, сравнить адрес, найти резервную копию. В этой монотонности было спасение. Пока руки заняты фактами, воображению сложнее рисовать катастрофы. Но каждый новый кусок данных делал общую картину темнее.

Вибрация телефона разрезала тишину. Я посмотрела на экран не сразу, будто несколько секунд могли отсрочить то, что там появилось. Доверие росло не из обещаний, а из мелочей: он показывал исходники, признавал, когда не знал ответа, и не торопился заполнять мое молчание своей версией.

На короткой паузе Кирилл сварил кофе сам и перепутал две одинаковые кружки. Моя оказалась без сахара. Его — с двумя ложками. Мы молча поменялись и оба улыбнулись. На фоне происходящего эта крошечная бытовая ошибка казалась почти роскошью.

Его спокойствие раздражало именно потому, что я уже научилась замечать, сколько усилий оно ему стоит. На вопрос, что он будет делать после расследования, Кирилл ответил: «Спать». Потом добавил: «Возможно, два дня». Я почему-то впервые позволила себе представить, что у этой истории вообще есть «после».

Перед следующим шагом я снова открыла блокнот Майи. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Где-то далеко шумел город, но здесь пространство казалось вырезанным из него и оставленным без свидетелей. Мы снова обсуждали то, что случилось в пентхаусе Воронцова на Остоженке. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Роман прислал фотографии маршрута и короткое сообщение без комментариев. На двух кадрах я заметила одну и ту же машину. Совпадение могло быть случайным, но после всего пережитого слово «случайность» требовало доказательств не меньше, чем обвинение.

— И все они считают себя жертвами?

— Большинство считает себя исключением. В этом система и держится.

Я все чаще ловила себя на желании оправдать Кирилла раньше, чем он сам пытался это сделать. Приходилось останавливать себя. Любовь не должна превращать чужие ошибки в правильные поступки задним числом.

На рабочем планшете я случайно заметила папку с собственными инициалами: ES-17. Она исчезла с экрана через секунду, но этого хватило.

Несколько секунд я смотрела на запись, ожидая, что она изменится. Потом переписала ее в блокнот. Одно дело — услышать правду, другое — оставить ей место на бумаге, откуда ее уже сложнее вытеснить.

Я все еще боялась. Но теперь страх больше не был единственным голосом, которому я верила. Молчание между нами длилось недолго. Страх не исчез, но перестал быть единственным аргументом.

Вечером папка исчезла, будто ее никогда не существовало.

• • •

Есть решения, которые мы принимаем за несколько секунд, а расплачиваемся за них годами. Мое началось с обычного письма в почте.

В коридоре пахло полированным деревом и чем-то цитрусовым — запахом, который позже начнет возвращать мне память. Доверие не отменяло тревогу; оно лишь заставляло меня проверять не только худшие версии происходящего.

Я снова прокрутила в голове главное: каждую ночь около двух часов на третьем этаже загорается свет. Хотелось объявить это невозможным и закончить разговор. Но невозможность не отменяет фактов.

Я заставила себя перечитать сообщение еще раз, медленнее, будто скорость могла изменить смысл. Он провел ладонью по подбородку — единственный жест, который выдавал в нем усталость.

— Там кто-то живет? — спросила я Веру Павловну.

В два ноль семь свет наверху загорелся снова. Я написала Кириллу одно сообщение: «Вы говорили, там никого нет».

Ответ пришел почти сразу: «Не поднимайтесь».

Я смотрела на эти два слова и понимала, что именно поэтому поднимусь.

Она слишком быстро ответила: — Нет.

Тогда я еще не понимала, что именно эта мелочь станет важнее всего сказанного вслух. Я уже научилась различать его молчание. Одно означало раздражение, другое — расчет, третье появлялось только при имени Андрея. В такие секунды я понимала, что расследование для него не было задачей. Это был долг, который он сам себе назначил.

Три года назад все случилось слишком быстро: встреча, ссора, исчезновение, авария, больница. Только теперь мы растягивали те часы по минутам и видели то, что тогда было невозможно заметить. Кто-то заранее знал, где окажутся Майя и Андрей. Значит, предательство началось раньше самой ночи.

Воздух пах кофе, холодным металлом и дождем, который весь день собирался начаться. Мне хотелось вернуться к прежней жизни, но это желание уже не имело смысла. Превенная жизнь существовала только потому, что я не знала правды.

Мы разделили задачи. Я восстанавливала переписку Майи, Кирилл связывался с людьми Андрея, Роман проверял физические маршруты. Несколько часов мы почти не разговаривали. Потом три независимые линии одновременно вывели нас на одно имя — и тишина в комнате стала совсем другой.

Телефон загудел по столешнице, и мышцы сами напряглись. Тело реагировало быстрее разума. Самым неожиданным оказалось то, что Кирилл перестал пытаться выглядеть безошибочным. Наверное, именно после этого рядом с ним стало чуть безопаснее.

Мы вышли на пять минут на улицу. Москва жила своей обычной жизнью: курьеры спорили у подъезда, кто-то выгуливал собаку, такси сигнализало на перекрестке. Я поймала себя на зависти к людям, для которых этот вечер был просто вечером.

Он провел ладонью по подбородку — единственный жест, который выдавал в нем усталость. Он спросил, чего хочу я. Ответ пришел не сразу: проснуться утром и не проверять дверь дважды. Это желание оказалось важнее любых громких планов.

Мы сделали паузу, но мысли продолжали двигаться быстрее нас. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Свет был слишком белым и ровным, поэтому лица казались честнее, чем люди, которым они принадлежали. Мы снова обсуждали то, что случилось в доме Воронцова. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Мы нашли расхождение в семи минутах между двумя журналами. Причина оказалась банальной — один сервер жил по другому часовому поясу. Эта мелочь даже обрадовала: не каждая странность была чьим-то преступлением.

— Почему никто не вышел раньше?

— Кто-то выходил. Просто мы редко узнаем, какой ценой.

Позже я несколько раз возвращалась к этому моменту и каждый раз находила в нем новую деталь. Кирилл заметил мою усталость и предложил остановиться. Я отказалась не из упрямства, а потому что впервые понимала, зачем продолжаю. Я больше не хотела вернуть прошлое. Я хотела перестать позволять ему управлять настоящим.

Наши отношения становились честнее именно тогда, когда я переставала искать одну простую оценку. Кирилл был человеком, который защитил меня. И человеком, который лишил меня части выбора. Мне предстояло решить, что делать с обеими правдами.

Каждую ночь около двух часов на третьем этаже загорается свет.

Я внесла новое звено в хронологию. Схема на странице стала логичнее и одновременно страшнее. Иногда порядок не успокаивает. Он просто показывает масштаб беспорядка, который кто-то создал намеренно.

Мне не нравилось, насколько легко его присутствие меняло температуру комнаты. Кирилл не спросил, готова ли я продолжать. Он дождался, пока я скажу это сама.

На одиннадцатую ночь дверь наверху оказалась приоткрыта.

• • •

На двенадцатый день я впервые увидела Кирилла не в кабинете и не в роли человека, которому никто не решается возражать. Было почти два ночи. Я спустилась на кухню за водой и застала его босиком у открытого холодильника. На нем была простая серая футболка, волосы растрепались, а в руке он держал контейнер с какой-то едой и смотрел на него с выражением человека, обнаружившего нерешаемую задачу.

— Это суп, — сказала я.

— Я вижу.

— Тогда почему вы смотрите на него как на подозреваемого?

— Потому что я не помню, когда он здесь появился.

Я рассмеялась раньше, чем успела решить, уместно ли это. Кирилл медленно закрыл холодильник.

— Наконец-то, — сказал он.

— Что?

— Я уже начал думать, что вы умеете только спорить и задавать вопросы.

— А вы умеете только отдавать распоряжения и скрывать третий этаж. У каждого свои таланты.

Он поставил контейнер на стол и впервые не ответил сразу. Между нами повисла пауза, не похожая на деловую. Я вдруг почувствовала, насколько огромен дом ночью. Без охраны в коридорах, без звонков, без людей с планшетами Кирилл казался в нем не хозяином, а единственным оставшимся жильцом.

— Вы жалеете, что подписали контракт? — спросил он.

Я подумала о долгах, о фотографии Майи в телефоне, о запрещенном этаже.

— Еще не решила.

— Это наиболее дипломатичное «да», которое я слышал.

— А вы жалеете, что наняли меня?

Он посмотрел так внимательно, что шутка исчезла сама.

— Каждый день.

— Приятно слышать.

— Не потому, что вы плохо работаете. Потому что с каждым днем становится сложнее убедить себя, что держать вас рядом безопаснее, чем отпустить.

Я не нашла ответа. Он тоже больше ничего не добавил. Мы молча разогрели тот самый суп и ели его напротив друг друга, как люди, которые случайно оказались на кухне после слишком длинного дня. Это была совершенно обычная сцена. Именно поэтому она напугала меня сильнее многих угроз. К опасности я была готова. К тому, что рядом с Кириллом однажды станет спокойно, — нет.

• • •

На третий день работы у Кирилла я поняла, что его расписание построено не для удобства, а как оборонительная система. Каждая встреча имела запасной вход, каждый маршрут — второй вариант, каждое окно в календаре было заполнено так, чтобы никто не мог внезапно оказаться рядом. Даже обед выглядел как задача из корпоративного регламента: пятнадцать минут между двумя звонками, еда уже стоит на столе, разговор продолжается, телефон лежит экраном вниз, но вибрацию он все равно замечает.

— Вы вообще когда-нибудь делаете что-нибудь без плана? — спросила я, когда мы ехали из офиса в старый особняк на Остоженке.

Кирилл не оторвался от планшета.

— Сплю.

— В календаре у вас сон тоже стоит блоком.

Он поднял глаза.

— Тогда нет.

— Это не нормально.

— Я не нанимал вас для диагностики моей нормальности.

— Жаль. Там работы больше, чем в календаре.

Роман за рулем кашлянул, скрывая смех. Кирилл перевел взгляд на зеркало заднего вида.

— Роман.

— Молчу, Кирилл Андреевич.

Мне нравилось раздражать его больше, чем следовало. Возможно, потому что раздражение было единственной эмоцией, которую он не успевал полностью спрятать. В деловых переговорах Кирилл был гладким стеклом: собеседник видел собственное отражение и принимал его за откровенность. Со мной стекло иногда давало трещину.

У дома нас встретила новая охрана. Я заметила это сразу: другой мужчина у ворот, другая машина возле соседнего подъезда, камера на углу повернута на несколько градусов левее.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего.

— Тогда зачем сменили пост?

Кирилл медленно убрал планшет.

— Вы всегда замечаете лишнее?

— Обычно мне за это платят.

— С этого дня — особенно.

Он вышел из машины. Я задержалась на секунду, глядя на его спину. Слова звучали как признание угрозы, которую он не собирался объяснять. И именно в этот момент я окон-

чательно решила, что третий этаж — не эксцентричное правило богатого человека. Он был частью системы безопасности. Возможно, самой важной.

Вечером я нашла в рабочем архиве старое расписание трехлетней давности. Файл случайно попал в папку с документами для встречи, и я открыла его только потому, что название совпадало с датой исчезновения Майи. В тот день Кирилл отменил все встречи после шестнадцати тридцати. Причина отсутствовала.

Я сделала копию на свой планшет, затем сразу удалила ее. Это было глупо: если система логировала доступ, скрыть просмотр все равно не удалось бы. Но движение пальца по экрану дало несколько секунд ощущения, что информация принадлежит мне.

За спиной щелкнула дверь.

— Что вы ищете?

Я обернулась. Кирилл стоял в проходе без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей. На лице не было злости. Только усталое внимание.

— Ничего.

— Плохой ответ.

— Учусь у вас.

Он подошел к столу и увидел открытый файл.

— Вы залезли в архив, к которому у вас нет допуска.

— Доступ был.

— Ошибка прав.

— Тогда исправьте права. Но сначала скажите, почему в день исчезновения Майи вы отменили встречи.

Я впервые произнесла ее имя в этом доме вслух. Комната изменилась мгновенно. Кирилл не отступил, не повысил голос, не попытался взять планшет. Но я увидела, как напряглись мышцы у него на челюсти.

— Потому что она мне позвонила.

Ответ пришел слишком быстро, чтобы быть заготовленным.

— Вы говорили, что почти ее не знали.

— Почти не знал.

— Но отменили день после одного звонка?

— После содержания звонка.

— Какого?

Он отвернулся к окну. Москва за стеклом казалась праздничной и безопасной: огни, машины, люди, которым не было дела до нашей комнаты.

— Она сказала, что нашла документы о людях, которых нельзя связывать между собой официально. Попросила встречу. Я перенес все дела.

— И встретились?

— Нет.

— Почему?

Пауза длилась две секунды. Мне хватило.

— Она не пришла.

— А потом исчезла.

— Да.

— Почему полиции вы этого не рассказали?

Он повернулся.

— Рассказал.

— В материалах дела этого нет.

— Потому что материалы, которые видели вы, неполные.

— Откуда вы знаете, что я видела?

Вот теперь я поймала его. Почти физически почувствовала момент, когда сказанное нельзя вернуть.

Кирилл прикрыл глаза.

— Ева.

— Нет. Продолжайте. Откуда вы знаете, какие материалы дела я читала?

Он подошел ближе, но остановился у края стола.

— Потому что три года следил не только за теми, кто наблюдал за вами. Я следил и за тем, что вы пытаетесь узнать.

Я почувствовала холод в пальцах.

— Вы читали мои запросы?

— Да.

— Переписку с адвокатом?

— Только метаданные.

— О, тогда все прекрасно.

Я захлопнула планшет.

— Вы называете это защитой?

— Я называю это причиной, по которой вы до сих пор живы обычной жизнью.

— Обычной? Вы наняли меня, поселили в доме с запрещенным этажом и сейчас признаетесь, что три года наблюдали за мной.

— Я не говорил, что ваша жизнь обычная. Я сказал, что вы живы.

Я обошла стол.

— Мне нужно выйти.

— Ева, на улице сейчас небезопасно.

— Видите? Опять. Вы даже не слышите себя. Я говорю, что мне нужно выйти из комнаты, а вы уже решаете, можно ли мне выходить из дома.

Он замер.

— Хорошо.

Это прозвучало так тихо, что я не сразу поверила.

— Что — хорошо?

— Выйдите. В сад. Охрана останется на расстоянии. Я не подойду, пока вы сами не вернетесь.

Я ожидала нового приказа. Получила пространство и от этого растерялась сильнее.

В саду шел мелкий дождь. Я стояла под навесом и смотрела на мокрый камень дорожки. В голове перемешались Майя, архив, третий этаж и спокойное «да» Кирилла на признание слежки. Я должна была собрать вещи и уйти. Любой разумный человек ушел бы.

Но разумность уже три года не давала мне ответа, что случилось с Майей.

Через двадцать минут дверь открылась. Кирилл не вышел. Просто поставил на порог мой плащ и вернулся внутрь.

Я взяла его. Этот маленький жест оказался опаснее извинения. Извинение можно отвергнуть. Заботу — сложнее, особенно когда она наконец не нарушает границу.

Вернувшись, я нашла его в библиотеке.

— У меня будет свое условие, — сказала я.

— Слушаю.

— Если вы знаете что-то обо мне, что касается этой истории, вы говорите. Не тогда, когда решите, что я готова. Сразу.

Кирилл долго смотрел на меня.

— Это может быть неприятно.

— Я не просила комфорт.

— И опасно.

— Это уже мое решение.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Слишком легко согласились.

— Я понял, что если не соглашусь, вы все равно найдете сами. И, скорее всего, полезете туда без охраны.

— Наконец-то вы начинаете меня понимать.

— Это и пугает.

Я почти улыбнулась.

— И еще одно.

— Вы говорили про одно условие.

— Это приложение к договору.

— Разумеется.

— Не трогайте мой телефон, мои письма и мои вещи без разрешения.

— Принято.

— Даже если считаете, что спасаете мне жизнь.

Кирилл помолчал.

— Это будет сложнее.

— Тем полезнее.

Он протянул руку. Не как начальник. Как человек, который предлагает заключить новый договор.

Я пожала ее.

И только тогда заметила: дверь в коридор, ведущий к лестнице на третий этаж, была приоткрыта.

• • •

В первую неделю я познакомилась с людьми Кирилла ближе, чем собиралась. Не потому, что он представлял меня команде — как раз наоборот. Он выдавал доступ к информации порциями, будто опасался, что вместе с корпоративной структурой я увижу и что-то личное.

Финансовый директор разговаривал со мной через голову, пока не понял, что Кирилл действительно читает мои заметки. Юрист каждый документ начинал с фразы «вы, вероятно, не знаете», пока я однажды не закончила за него формулировку пункта договора. Роман не пытался производить впечатление вообще. Он просто появлялся в нужном месте раньше, чем возникала проблема.

— Вы ему доверяете? — спросила я о Романе вечером.

Кирилл не сразу понял, о ком речь.

— Белову? Да.

— Почему?

— Он однажды сказал мне «нет», когда все остальные сказали «как скажете».

— Серьезный критерий.

— Для людей вокруг меня — редкий.

Я запомнила ответ. Позже он станет важным.

В тот же день я впервые увидела имя Карелина в корпоративной переписке. Старое письмо, архивная цепочка, просьба о закрытой встрече. Кирилл отказывался. Карелин отвечал: «Ты еще думаешь, что можешь наследовать только активы, а не обязательства».

— Что это значит? — спросила я.

Кирилл забрал распечатку взглядом.

— Семейная история.

— А я думала, вы не используете такие слова.

— Какие?

— «Семейная».

Он ничего не ответил.

Через несколько минут я заметила на его столе фотографию: молодой Кирилл рядом с женщиной лет пятидесяти. Мужчина смотрел в камеру уверенно, почти насмешливо. На обороте стояла дата — за год до его смерти.

— Ваш отец?

— Да.

— Вы похожи.

— Мне часто это говорят.

В голосе прозвучало так, будто я сказала что-то неприятное.

— Это плохо?

— Не знаю.

Мне хотелось спросить больше, но я остановилась. Удивительно: человек, который нарушал мои границы годами, сам имел темы, куда не позволял войти никому. Возможно, именно поэтому он так плохо понимал разницу между защитой и контролем.

Вечером, уходя из кабинета, я увидела, как Кирилл снова взял фотографию отца. Не с любовью. С вопросом.

Тогда я еще не знала, что наш общий поиск начнется с Майи, а закончится человеком на этой фотографии.

ГЛАВА 2 — ТРЕТИЙ ЭТАЖ

В чужих кабинетах я обычно замечала мелочи: слишком ровно поставленные ручки, чашку с остывшим кофе, закрытую папку. Они рассказывали о людях больше, чем резюме.

Лестница на третий этаж начиналась за библиотекой. Днем я проходила мимо нее десятки раз и ни разу не замечала, что датчик на стене следит не за движением, а за лицами. Ночью маленький зеленый огонек мигнул, когда я приблизилась, и дверь, вопреки ожиданиям, не запросила код.

Первая фотография была сделана у метро. Я стояла с бумажным стаканом и смотрела в телефон. На второй выходила из продуктового магазина. На третьей сидела на лавке рядом с мамой. Это были не красивые кадры и не случайные снимки. Кто-то фиксировал мою жизнь методично, с датами, временем и короткими пометками.

На дальнем стенде висело фото из прошлого: я, Майя, летняя веранда и ее красный шарф, который она постоянно забывала где-нибудь. Под снимком стояла дата — на три года раньше моего собеседования.

Экран вспыхнул новым сообщением. Я поймала себя на том, что задержала дыхание еще до того, как прочитала имя отправителя. Я знала это ощущение: когда разум говорит «случайность», а тело уже приняло другое решение.

— Сколько лет вы собирали эти фотографии?

— Я их не собирал.

— Они висят в вашем доме.

Кирилл подошел ближе, и воздух между нами будто стал уже.

— Именно поэтому я хотел, чтобы вы никогда сюда не заходили.

Теперь цепочка выглядела иначе. На десятках снимков была я — в разные годы. Самому старому фото три года. То, что еще утром казалось отдельным эпизодом, оказалось частью одной системы. И впервые я почувствовала не только страх, но и злость — полезную, холодную, очень ясную.

Я заставила себя перечитать сообщение еще раз, медленнее, будто скорость могла изменить смысл. Он посмотрел на меня прямо, без привычной деловой маски, и на секунду я увидела человека, который тоже устал проигрывать прошлому.

— Вам объяснить, — раздался голос за спиной, — или вы предпочитаете сначала обвинить меня?

Минуту никто не говорил. Иногда молчание — это просто пауза. Иногда признание. Мы оба делали вид, что говорим только о доказательствах. Но за каждым документом стоял кто-то потерянный: у меня — Майя, у него — Андрей. Наверное, поэтому мы так легко спорили и так плохо умели уйти из разговора окончательно.

Я написала на листе три имени — Майя, Андрей, Карелин — и свое четвертым. Это выглядело нелепо просто. За каждым именем скрывался отдельный маршрут, но все четыре сошлись в одной точке. Вопрос был уже не в том, связаны ли наши истории. Вопрос — кто связал их намеренно.

Где-то далеко шумел город, но здесь пространство казалось вырезанным из него и оставленным без свидетелей. Самым странным было ощущение ясности. Опасность никуда не делась, зато впервые у нее появились имена, даты и маршруты.

Каждый ответ открывал следующий коридор. Иногда он вел к полезному человеку, иногда — к давно закрытой компании, иногда — в тупик, который явно построили специально. Карелин или тот, кто работал на него, умел не только прятать следы. Он умел создавать ложные.

Короткая вибрация заставила нас обоих посмотреть на телефон. Еще неделю назад я бы не придала этому значения. Я все еще ждала нового скрытого факта. Но теперь, когда он появлялся, я сначала спрашивала, а не уходила. Для нас обоих это было прогрессом.

В два часа ночи Роман принес пакет с едой и заявил, что охранять голодных людей опаснее, чем вооруженных. Кирилл впервые не нашелся с ответом. Я запомнила этот момент почти с нежностью.

Он посмотрел на меня прямо, без привычной деловой маски, и на секунду я увидела человека, который тоже устал проигрывать прошлому. Кирилл заметил, что мы говорим о будущем так, будто уже договорились в нем встретиться. Я сказала, что ничего не подписывала. Он улыбнулся: «Наконец-то».

Я разложила на столе распечатки в новом порядке. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Тишина была плотной, почти материальной; в ней отчетливо слышались шаги и собственное дыхание. Мы снова обсуждали то, что случилось в закрытый этаж. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Один из контактов отказался говорить по телефону, но через час прислал пустое письмо с вложенной фотографией. Люди, связанные с Velvet, словно боялись не только конкретных имен, но и самого факта произнесенного вслух согласия помочь.

Я усмехнулась — не потому, что было смешно. Сарказм иногда оставался единственным способом не показать, насколько мне страшно. Я спросила, сколько людей может быть связано с Velvet. Кирилл не назвал точную цифру. Он сказал, что сеть строилась не из посвященных, а из компромиссов: одна услуга, один скрытый проступок, одна подпись там, где человек предпочел не читать условия.

— Карелин действительно контролирует всех?

— Нет. Хуже. Он сделал так, что они контролируют друг друга сами.

Близость не исправляла прошлое. Она лишь делала цену честности выше. Чем больше я к нему привязывалась, тем важнее становилось не соглашаться на удобную версию событий только ради спокойствия.

На десятках снимков была я — в разные годы. Самому старому фото три года.

Мы проверили вывод дважды. Ошибки не было. Я закрыла глаза всего на секунду, потом записала факт рядом с именем Майи. Мне казалось важным не позволять эмоциям менять формулировки.

Я поймала себя на том, что снова ищу логическое объяснение там, где уже давно работал страх. Вопрос был не в том, страшно ли мне. Было страшно. Вопрос — что я сделаю, несмотря на это.

На фотографии рядом со мной стояла Майя. Моя подруга, пропавшая три года назад.

• • •

До встречи с Кириллом Воронцовым я думала, что контроль — это привычка. Потом поняла: иногда это форма страха.

Кирилл не пытался отобрать у меня фотографию. Это почему-то пугало сильнее, чем если бы он начал оправдываться. Он закрыл дверь, включил верхний свет и сел напротив, оставив между нами стол как границу.

Он показал первый отчет охраны: неизвестный мужчина две недели наблюдал за моим подъездом. Потом второй — попытка получить детализацию моих поездок. Потом третий — запрос к бывшему работодателю. Все начиналось через несколько месяцев после исчезновения Майи и повторялось волнами.

Я хотела назвать его сумасшедшим, но даты совпадали с теми периодами, когда мне самой казалось, что за мной следят. Тогда я списывала это на последствия больницы и тревогу.

— Вы знали обо мне до собеседования, — произнесла я. Не спросила — констатировала.

Кирилл выдержал мой взгляд.

— Знал.

— И следили за мной.

— Я следил за теми, кто следил за вами.

— Удобная формулировка.

— Она не обязана вам нравиться, Ева. Но она правда.

— Защита без согласия называется контролем.

— А согласие человека, которому угрожают и который об этом не знает, получить невозможно.

— Тогда вы решили за меня.

— Да, — сказал он. — И это одна из вещей, за которые вы имеете право меня ненавидеть.

Из всех версий одна вещь уже не допускала споров: майя работала на компанию-подрядчика Vektor и перед исчезновением пыталась связаться с Кириллом. Я занесла ее в блокнот и дважды обвела дату. Факты не становились легче от того, что их удавалось доказать. Иногда расследование — это не поиск ответа, а умение не позволить себе отвернуться от уже найденного.

Уголок рта дернулся сам собой. Шутка получилась бы плохой, но молчание казалось еще хуже. Кирилл сократил расстояние между нами, но не коснулся меня. Впервые его сдержанность ощущалась не контролем, а вопросом.

— Вы следили за мной три года.

— За вами следили другие. Я следил за ними.

Мы оба сделали вид, что обсуждаем только факты. Получалось все хуже. Кирилл не просил меня доверять ему. После третьего этажа такая просьба прозвучала бы почти оскорбительно. Вместо этого он показывал факты и позволял мне самой решать, что с ними делать. Медленно, очень неохотно, я начала ценить именно это.

Чем дольше мы работали, тем сильнее менялось мое представление о прошлом. Раньше я помнила только потерю. Теперь появлялась структура: кто звонил, кто опоздал, кто отключил камеру, кто первым сообщил об аварии. Память оставалась ненадежной, но факты начинали подпирать ее снаружи.

Свет был слишком белым и ровным, поэтому лица казались честнее, чем люди, которым они принадлежали. Я поняла, почему загадки так притягивают: пока не знаешь ответа, можно надеяться, что он окажется терпимым. Мы быстро теряли эту роскошь.

Мы несколько раз меняли гипотезу. Это раздражало Кирилла, привыкшего к системам, где ошибка имеет код и причину. Люди были хуже устроены: вали из страха, любви, денег, стыда — и иногда сразу по всем причинам. Я начала понимать, почему Velvet мог существовать так долго.

В коридоре пахло полированным деревом и чем-то цитрусовым — запахом, который позже начнет возвращать мне память. Мы не стали доверять друг другу за один вечер. Просто каждый следующий выбор делал недоверие немного менее удобным.

Телефон Кирилла разрядился — событие, которое, судя по его лицу, происходило примерно раз в десятилетие. Пока аппарат лежал на зарядке, он целых семь минут не мог контролировать мир. Я сообщила, что эксперимент признан успешным. Он даже не спорил.

Он провел ладонью по подбородку — единственный жест, который выдавал в нем усталость. Мы не называли это обещанием. Просто договорились однажды выпить кофе там, где никто из нас не будет следить за входом. Иногда будущее начинается с очень маленькой договоренности.

Ночью факты всегда казались жестче, чем днем. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Воздух пах кофе, холодным металлом и дождем, который весь день собирался начаться. Мы снова обсуждали то, что случилось в кабинет кирилла. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Старый сотрудник Vektor вспомнил деталь, которую считал неважной: три года назад кто-то дважды менял список гостей на закрытой встрече. Иногда вся конструкция держится на том, что один человек решает не выбрасывать ненужную бумагу.

— Значит, Velvet — это не организация?

— Это привычка прятать правду за взаимными услугами.

Разговор мог закончиться на этом, но наша история вообще плохо умела останавливаться вовремя. Кирилл заметил мою усталость и предложил остановиться. Я отказалась не из упрямства, а потому что впервые понимала, зачем продолжаю. Я больше не хотела вернуть прошлое. Я хотела перестать позволять ему управлять настоящим.

Я не хотела, чтобы расследование закончилось красивым оправданием любого из нас. Майя заслуживала большего. Андрей тоже. И, наверное, мы с Кириллом — если у нас вообще будет продолжение — заслуживали начать его без лжи.

Майя работала на компанию-подрядчика Vektor и перед исчезновением пыталась связаться с Кириллом.

На бумаге это заняло две строки. Внутри меня — гораздо больше места. Я закрыла блокнот и поняла, что следующего шага боюсь сильнее предыдущего. Значит, именно его и придется сделать.

Я не хотела быть человеком, которого спасают без разрешения. Но еще меньше хотела быть человеком, который из гордости отказывается видеть опасность. Я поняла, что назад мы уже не возвращаемся. Даже если остановимся, прежней версии нашей жизни больше нет.

Кирилл положил передо мной снимок и ничего не сказал. На заднем плане, почти растворенный в зернистой тени, стоял мужчина. Я узнала его раньше, чем успела понять откуда. Тот же наклон головы, те же слишком светлые глаза — лицо, которое годами появлялось в моих кошмарах за секунду до пробуждения.

• • •

Комната казалась слишком тихой для разговора, который мог изменить сразу несколько жизней.

Дома я погасила свет и заставила себя вернуться в ту ночь. Сначала пришел звук — ровный белый шум гостиничного кондиционера. Потом коридор, слишком яркий и слишком длинный. И красный шарф Майи на полу. Я помнила его отчетливее, чем собственные руки.

Телефон дернулся от уведомления, и я вздрогнула сильнее, чем следовало. Обычные звуки быстро перестают быть обычными, когда ждешь плохих новостей. Мне хотелось доверять ему и одновременно проверить каждое слово. Пожалуй, это и было самым честным состоянием между нами.

Теперь это касалось уже не чужих секретов. Мою дверь вскрывали, но ничего очевидного не украли. После этого уйти означало бы добровольно отдать кому-то другому право поставить точку в моей истории.

Я сделала вдох, сосчитала до четырех и задала вопрос, которого больше всего не хотела задавать. Его спокойствие раздражало именно потому, что я уже научилась замечать, сколько усилий оно ему стоит.

Шум кондиционера в памяти усилился. Я закрыла глаза.

— Ева, откройте глаза, — голос Кирилла был совсем близко.

— Не командуйте мной.

— Сейчас — буду. Потому что вы снова там, а мне нужно, чтобы вы были здесь.

— Ничего не трогайте, — сказал Роман по телефону. — И отойдите от окон.

Разговор мог закончиться на этом, но наша история вообще плохо умела останавливаться вовремя. Я внимательно смотрела на Кирилла, пытаюсь понять, где заканчивается его привычка все контролировать и начинается чувство вины. В разговорах о брате это различие исчезало. Он становился человеком, который три года прокручивал одну и ту же ночь и каждый раз находил способ обвинить себя.

Где-то далеко шумел город, но здесь пространство казалось вырезанным из него и оставленным без свидетелей. Майя всегда говорила, что страх любит пустоты: если не знаешь, что произошло, он обязательно придумает худшую версию. Похоже, три года я жила именно внутри такой версии.

Он посмотрел на меня прямо, без привычной деловой маски, и на секунду я увидела человека, который тоже устал проигрывать прошлому. Он сказал, что после всего хочет хотя бы один день не принимать решений за других. Я ответила, что это звучит как прекрасное начало терапии. Он посмотрел на меня так, будто собирался возмутиться, но передумал.

Я сохранила копию материалов в отдельную папку и перечитала названия файлов. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Тишина была плотной, почти материальной; в ней отчетливо слышались шаги и собственное дыхание. Мы снова обсуждали то, что случилось в моей квартире. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Я заставила себя перечитать сообщение еще раз, медленнее, будто скорость могла изменить смысл. Я спросила, сколько людей может быть связано с Velvet. Кирилл не назвал точную цифру. Он сказал, что сеть строилась не из посвященных, а из компромиссов: одна услуга, один скрытый проступок, одна подпись там, где человек предпочел не читать условия.

Ее дверь вскрывали, но ничего очевидного не украли.

Мне не нравилось, насколько легко его присутствие меняло температуру комнаты. Я посмотрела на Кирилла и увидела тот же расчет риска. Только теперь мы оба понимали: цена следующего шага касается уже не только прошлого.

Под ковриком лежал чужой конверт со словами: «Ты уже один раз забыла. Забудь снова».

• • •

На следующий вечер мы разложили фотографии на длинном столе в библиотеке. Кирилл предложил вызвать аналитиков Vektor, но я отказалась. Мне нужно было самой увидеть последовательность, а не получить очередной аккуратный отчет.

Я распределила снимки по датам. Университет. Кофейня у старой квартиры. Вокзал. Моя мать у подъезда. Я на набережной. Я с Майей. На некоторых кадрах расстояние до объектива было таким маленьким, что фотограф должен был стоять в нескольких метрах.

— Вы уверены, что это ваша служба безопасности? — спросила я.

— Нет.

Ответ оказался хуже оправдания.

— Значит, вы хранили фотографии, происхождения которых не знали?

— Я пытался понять, кто их делал.

— Три года?

— Три года я пытался понять, почему после исчезновения Майи наблюдение за вами не прекратилось.

Я подняла один снимок. На нем я выходила из больницы. Моя рука была в гипсе, лицо — блее стены. В правом нижнем углу отражалось стекло припаркованной машины.

— Увеличьте это.

Кирилл подошел с ноутбуком. Наши плечи соприкоснулись. Ни один из нас не отодвинулся. Через минуту программа вытянула из отражения часть номера.

— Знаком?

Он замер.

— Машина принадлежала фонду Карелина.

Имя прозвучало впервые. Я сразу поняла это по тому, как Кирилл перестал дышать на полуслове.

— Кто такой Карелин?

— Человек, которого я три года надеялся не впускать в эту историю.

— Поздно.

Я повернулась к нему и только тогда заметила, насколько близко он стоит.

— Ева...

— Даже не начинайте с «вам лучше не знать».

— Я хотел сказать другое.

— Что?

Он посмотрел на мои губы, затем снова в глаза.

— Вам лучше отойти.

— Почему?

— Потому что я уже несколько минут думаю не о фотографии.

Первой отступила я. Не из страха. Скорее потому, что еще шаг — и расследование перестало бы быть единственной вещью, которую мы пытаемся удержать под контролем.

• • •

До третьего этажа я добралась через два дня. Не потому, что потеряла терпение. Наоборот — потому что слишком долго пыталась быть терпеливой.

Утро началось с сообщения от неизвестного номера: «Не ищи то, что уже однажды решила забыть». Я показала его Кириллу. Он сразу передал номер Роману, попросил проверить базовые станции и сменить маршруты. Все это заняло меньше минуты.

— Вы не спросите, что я чувствую? — сказала я.

Кирилл поднял глаза от телефона.

— Хотите, чтобы спросил?

— Не знаю.

— Тогда не буду делать вид, что знаю правильный ответ.

Странно, но это было лучше любого «не волнуйтесь».

Днем он уехал в офис. Я осталась в доме с двумя сотрудниками охраны и задачей разобрать корреспонденцию. В половине третьего сработала пожарная сигнализация. Коротко, на одном участке. Охранник ушел проверять техническое помещение, второй оказался у ворот. Я стояла в холле и смотрела на лестницу.

Если бы кто-то хотел специально оставить меня одну, момент был идеальным.

Эта мысль должна была остановить. Вместо этого подтолкнула.

На втором этаже я прошла мимо спальни, кабинета и гостевой комнаты. Дальше начиналась узкая лестница без ковровой дорожки. На стене не было картин. Камеры тоже не было — я заметила это еще в первый день.

На последней ступени стояла дверь с электронным замком.

Я ожидала кодовую панель. Замок открылся от прикосновения.

Это было хуже всего.

Дверь не защищала третий этаж от меня. Она ждала, когда я решу войти.

Внутри пахло бумагой и пылью. Коридор вел в большую комнату, где вдоль стен стояли шкафы с коробками. На одном столе — три монитора, выключенные. На другом — фотографии.

Мои.

Я подошла медленно, как будто резкое движение могло изменить то, что вижу.

Снимки лежали сериями. На обороте — даты и время. Самый новый сделан неделю назад возле офиса Vektor. Самый старый — три года и четыре месяца назад, возле университета.

На той фотографии рядом со мной была Майя.

У меня дрогнули колени.

Я схватилась за край стола и заставила себя дышать.

— Ева.

Голос за спиной был спокойным. Я резко обернулась.

Кирилл стоял в дверях.

— Не подходите.

Он остановился.

— Хорошо.

— Вы знали, что я сюда приду?

— Предполагал.

— Поэтому дверь открыта?

— Да.

Я засмеялась. Звук получился неприятным.

— Отлично. Значит, это еще один тест?

— Нет.

— Тогда что?

— Вы бы не поверили, если бы я просто показал.

— И решили, что лучше заставить меня нарушить правило?

— Я надеялся, что вы сначала спросите.

— Я спрашивала. Одиннадцать дней.

Он опустил взгляд.

— Справедливо.

Я взяла старую фотографию.

— Кто это снимал?

— Не знаю.

— Не врите.

— Я знаю часть людей. Не автора каждого снимка.

— Зачем вы их храните?

— Потому что это единственная непрерывная хронология наблюдения за вами.

— Наблюдения кем?

— В этом главный вопрос.

Он подошел к соседнему столу, все еще оставляя между нами расстояние. Открыл ящик и достал папку.

— Три года назад Майя получила доступ к системе подрядчика Vektor. Компания официально занималась аудитом безопасности. Неофициально часть сотрудников собирала компромат для закрытой группы клиентов. Мы называли ее Velvet, хотя это не было юридическим названием.

— Вы были в ней?

— Нет.

— Связаны?

— Мой отец — да.

Я впервые услышала про его отца не из статьи.

— И что сделала Майя?

— Скопировала часть реестра. Потом поняла, что там есть люди, способные уничтожить ее жизнь. Она обратилась к Андрею. Андрей — ко мне.

— А я?

Кирилл посмотрел на фотографию в моей руке.

— Вы оказались рядом в худший момент.

— Что это значит?

Он достал снимок из другой папки. Ночь. Вход в гостиницу. Я в светлом пальто. Рядом — Майя. За нами мужчина, которого я не помнила.

— Эта фотография сделана за шесть часов до вашей аварии.

Воздух исчез из комнаты.

— Какой аварии?

Кирилл не ответил.

— Какой аварии, Кирилл?

— Вы попали в больницу той ночью. Сотрясение, перелом запястья, несколько часов провала памяти.

Я смотрела на него и ждала, что слова станут знакомыми. Не стали.

— Я ломала руку на лестнице.

— Так вам сказали.

— Кто?

— Ваша мать. По просьбе врача. Вы просыпались в панике, когда пытались вспомнить.

— Вы разговаривали с моей матерью?

Он молчал.

Этого было достаточно.

Я выронила фотографию.

— Вы знали всю мою семью раньше, чем я увидела вас на собеседовании.

— Знал обстоятельства. Не вас.

— Не смейте играть словами.

— Я не играю.

— Тогда скажите правду целиком.

— Целиком я ее не знаю.

— Удобно.

— Ева, если бы знал, Майя была бы найдена три года назад.

Я повернулась к стене. Там были десятки снимков. Некоторые сделаны явно профессионально, некоторые — на телефон, издалека. В одном углу я заметила фотографию, где Кирилл стоял у той же гостиницы.

— Вы тоже были там.

— Пришел позже.

Слова Майи из будущей записи еще не были мне известны, но уже тогда что-то в формулировке кольнуло: «позже».

— Насколько позже?

— Двадцать семь минут после вызова скорой.

— Кто вам позвонил?

— Андрей.

— Где он сейчас?

— Исчез через неделю после Майи.

Я закрыла глаза. Комната начала покачиваться.

— Ева, можно подойти?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Я открыла глаза.

— Что?

— Вы сейчас побледнели. Я хочу подойти, но вы просили не решать за вас.

Я ненавидела, что он выбрал именно этот момент, чтобы выполнить обещание.

— Можно.

Кирилл приблизился. Не коснулся, пока я сама не оперлась ладонью на его предплечье.

— Я не помню эту ночь.

— Знаю.

— А вы помните.

— Часть.

— Тогда расскажите.

— Не здесь.

Я почти оттолкнула его.

— Опять условие?

— Нет. Здесь есть одна вещь, которую вы должны увидеть раньше.

Он подвел меня к дальнему шкафу. Внутри лежала коробка с надписью ES-17.

— Что это?

— Все, что мы собрали после вашей аварии.

Я подняла крышку.

Сверху лежал прозрачный пакет. В нем — золотая серьга с темно-красным камнем.

Я узнала ее мгновенно.

Вторая такая серьга уже три года лежала у меня дома в шкатулке.

Майя подарила пару на мой двадцать третий день рождения.

— Где вы нашли это? — прошептала я.

— В машине, которая сбила вас.

• • •

После первого визита на третий этаж я несколько дней не поднималась туда. Дверь оставалась открытой, и это раздражало сильнее замка. Раньше запрет был внешним: нельзя. Теперь решение было моим, а значит, ответственность тоже.

Я работала в библиотеке, когда Кирилл принес коробку с моими вещами из больницы. Старый телефон, ремень от сумки, чек из аптеки, сломанная серьга.

— Почему это у вас?

— Полиция вернула часть материалов Андрею. После его исчезновения они оказались у меня.

— И вы три года держали их в коробке?

— Да.

— Это звучит ненормально даже по вашим стандартам.

— Согласен.

Я взяла старый телефон. Экран был разбит, корпус поцарапан. Роман сказал, что данные частично восстановимы.

Через несколько часов мы получили список последних вызовов. Перед аварией я звонила Майе — три раза. Андрею — один. И неизвестному номеру, который сейчас принадлежал компании Карелина.

— Я сама им звонила, — сказала я.

— Или номер тогда принадлежал другому человеку.

— Вы пытаетесь меня успокоить?

— Нет. Не хочу, чтобы мы называли фактом то, чего пока не знаем.

Это было то, чему он учил меня и чему сам иногда изменял.

Мы восстановили одно голосовое сообщение. Мой собственный голос, испуганный и быстрый:

«Майя, не ходи наверх. Андрей сказал ждать. Если ты уже там — выйди. Пожалуйста».

Запись оборвалась.

Я сидела неподвижно.

— Значит, я знала про номер 1708 до того, как туда поднялась.

— Да.

— И пыталась остановить Майю.

— Похоже.

— Почему она не послушала?

Кирилл посмотрел на меня с неожиданной мягкостью.

— Вы правда спрашиваете это про Майю?

Я рассмеялась сквозь слезы.

— Нет. Глупый вопрос.

В тот вечер мы впервые говорили о ней не как об улике. Я рассказала, как она могла уехать в другой город ради концерта, а потом обнаружить, что перепутала дату. Как однажды спорила с преподавателем сорок минут, хотя уже через пять понимала, что ошиблась. Как всегда покупала мне ужасные сувениры.

Кирилл слушал.

— Вы ее любили, — сказал он.

— Люблю.

Слово вышло само.

Не «любила». Люблю.

Возможно, именно тогда я впервые допустила, что Майя действительно может быть жива.

ГЛАВА 3 — СЛЕД

За окнами продолжалась обычная городская жизнь, и эта нормальность только усиливала ощущение опасности внутри.

Кирилл приехал сам. В машине он впервые не отдавал распоряжений и не проверял телефон каждые две минуты. Несколько километров мы ехали молча, пока он наконец не сказал:

— Я три года ждал, что они снова появятся.

В его голосе не было начальника. Только человек, который слишком долго жил в ожидании удара.

Я перечитала эту строку дважды: за ними идет машина без номеров; Роман уводит хвост. Формулировка была сухой, почти канцелярской, и именно поэтому пугала. За ней стояли люди, которые очень рассчитывали, что я никогда не начну задавать правильные вопросы. За одной строкой стояли три года молчания и люди, которые очень рассчитывали, что я никогда не стану задавать правильные вопросы.

Я убрала телефон в карман и сразу поняла, что этот жест ничего не спрятал. Кирилл помолчал. Он всегда сначала взвешивал последствия и только потом позволял словам стать необратимыми.

За нами второй раз повернула одна и та же машина.

— Не оборачивайтесь, — тихо сказал Кирилл.

— Поздно.

Он выдохнул сквозь зубы.

— Когда-нибудь вы выполните хотя бы одну просьбу сразу?

— Когда-нибудь вы научитесь просить, а не приказывать.

— Если бы я хотел причинить вам вред, Ева, мне не понадобился бы контракт.

— Успокаивать вы умеете отвратительно.

Тогда я еще не понимала, что именно эта мелочь станет важнее всего сказанного вслух. Когда речь заходила о прошлом, деловой Воронцов исчезал почти незаметно. Оставался Кирилл — усталый, упрямый, слишком привыкший считать чужую безопасность своей обязанностью. Это не делало его решения правильными, но делало их понятнее.

Где-то далеко шумел город, но здесь пространство казалось вырезанным из него и оставленным без свидетелей. Я подумала, что прошлое не становится безопаснее только потому, что проходит время. Иногда оно просто учится ждать, пока мы снова откроем нужную дверь.

Лифт гудел почти неслышно, а цифры этажей менялись слишком медленно. Доверие росло не из обещаний, а из мелочей: он показывал исходники, признавал, когда не знал ответа, и не торопился заполнять мое молчание своей версией.

Ответ пришел не сразу. По его лицу было видно: он выбирает не красивую формулировку, а ту, за которую сможет отвечать. На вопрос, что он будет делать после расследования, Кирилл ответил: «Спать». Потом добавил: «Возможно, два дня». Я почему-то впервые позволила себе представить, что у этой истории вообще есть «после».

Мы спорили о последовательности событий почти двадцать минут. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Тишина была плотной, почти материальной; в ней отчетливо слышались шаги и собственное дыхание. Мы снова обсуждали то, что случилось в машина Кирилла, ночная Москва. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Тогда я еще не понимала, что именно эта мелочь станет важнее всего сказанного вслух. Кирилл заметил мою усталость и предложил остановиться. Я отказалась не из упрямства, а потому что впервые понимала, зачем продолжаю. Я больше не хотела вернуть прошлое. Я хотела перестать позволять ему управлять настоящим.

За ними идет машина без номеров; Роман уводит хвост.

Я не хотела быть человеком, которого спасают без разрешения. Но еще меньше хотела быть человеком, который из гордости отказывается видеть опасность. Молчание между нами длилось недолго. Страх не исчез, но перестал быть единственным аргументом.

— Перед исчезновением Майя написала мне, — сказал Кирилл.

Я перестала дышать.

— Что именно?

Он открыл старый скриншот. Два слова были короче любого признания и тяжелее любого обвинения:

«Ева видела».

• • •

За окнами город растекался огнями, будто ничего важного в нем никогда не происходило. В загородная резиденция любое движение казалось чуть громче обычного, потому что теперь я знала: случайностей в этой истории осталось мало.

В коридоре пахло полированным деревом и чем-то цитрусовым — запахом, который позже начнет возвращать мне память. Самое неприятное в правде — она редко появляется целиком. Обычно сначала подсовывает один осколок и ждет, пока ты порежешься.

Я снова прокрутила в голове главное: дата смерти Андрея совпадает с днем исчезновения Майи. Хотелось объявить это невозможным и закончить разговор. Но невозможность не отменяет фактов.

Я подошла к окну, но вместо улицы увидела собственное отражение. Он провел ладонью по подбородку — единственный жест, который выдавал в нем усталость.

— Это было не ДТП, да?

У воды он выглядел почти другим человеком — пока я не спросила об Андрее.

Кирилл замер.

— Не используйте моего брата, чтобы добраться до правды.

— Тогда перестаньте использовать правду, чтобы прятать брата.

Кирилл долго смотрел на воду. — Нет.

Где-то далеко шумел город, но здесь пространство казалось вырезанным из него и оставленным без свидетелей. Мне хотелось вернуться к прежней жизни, но это желание уже не имело смысла. Прежняя жизнь существовала только потому, что я не знала правды.

Я коснулась окна. Холод мгновенно пробрал пальцы и на секунду вернул ощущение реальности. Самым неожиданным оказалось то, что Кирилл перестал пытаться выглядеть безопытным. Наверное, именно после этого рядом с ним стало чуть безопаснее.

Старые записи вдруг начали выглядеть иначе после последнего открытия. Я давно привыкла записывать детали, когда нервничала. Майя шутила, что однажды я составлю протокол собственного свидания. Теперь эта привычка удерживала меня от другой крайности — подменить то, что действительно произошло, тем, чего я больше всего боялась.

Тишина была плотной, почти материальной; в ней отчетливо слышались шаги и собственное дыхание. Мы снова обсуждали то, что случилось в загородная резиденция. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Мы оба сделали вид, что обсуждаем только факты. Получалось все хуже. Кирилл заметил мою усталость и предложил остановиться. Я отказалась не из упрямства, а потому что впервые понимала, зачем продолжаю. Я больше не хотела вернуть прошлое. Я хотела перестать позволять ему управлять настоящим.

Дата смерти Андрея совпадает с днем исчезновения Майи.

Я поймала себя на том, что снова ищу логическое объяснение там, где уже давно работал страх. Кирилл не спросил, готова ли я продолжать. Он дождался, пока я скажу это сама.

Только тогда я поняла: наши истории начались в один и тот же день. Не рядом — в одной точке.

• • •

Я задержалась у окна, собираясь с мыслями. Отражение в стекле выглядело спокойнее, чем я себя чувствовала.

На закрытый вечер Кирилл взял меня не как сотрудницу и даже не как гостью.

— Оставить вас одну сейчас опаснее, — сказал он, застегивая запонку.

Именно там, среди людей, которые улыбались слишком уверенно и называли друг друга только по фамилиям, я впервые услышала два слова: Velvet Club.

Теперь цепочка выглядела иначе. Председатель совета Vektor Дмитрий Карелин слишком хорошо знает детали биографии Евы. То, что еще утром казалось отдельным эпизодом, оказалось частью одной системы. И впервые я почувствовала не только страх, но и злость — полезную, холодную, очень ясную.

Я сложила руки на груди, чтобы не выдать дрожь в пальцах. Он задержал ответ на несколько секунд — привычка человека, слишком хорошо знающего, что сказанное иногда нельзя исправить.

— Мы встречались? — спросила я.

— Velvet — это клуб?

— Это слово, которое вам лучше забыть.

— После такой фразы люди обычно делают ровно наоборот.

— Я знаю, — сказал Кирилл. — Именно поэтому вы здесь.

Карелин улыбнулся. — В Москве все когда-нибудь встречались.

Позже я несколько раз возвращалась к этому моменту и каждый раз находила в нем новую деталь. Мы оба делали вид, что говорим только о доказательствах. Но за каждым документом стоял кто-то потерянный: у меня — Майя, у него — Андрей. Наверное, поэтому мы так легко спорили и так плохо умели уйти из разговора окончательно.

Свет был слишком белым и ровным, поэтому лица казались честнее, чем люди, которым они принадлежали. Самым странным было ощущение ясности. Опасность никуда не делась, зато впервые у нее появились имена, даты и маршруты.

Я заметила, что кофе давно холодный, только когда сделала глоток. Горечь вернула меня в комнату лучше любого окрика. Я все еще ждала нового скрытого факта. Но теперь, когда он появлялся, я сначала спрашивала, а не уходила. Для нас обоих это было прогрессом.

Он двинулся ко мне и остановился. Никаких приказов, никаких заранее принятых за меня решений — только пауза, в которой выбор оставался моим. Кирилл заметил, что мы говорим о будущем так, будто уже договорились в нем встретиться. Я сказала, что ничего не подписывала. Он улыбнулся: «Наконец-то».

За окнами город растекался огнями, будто ничего важного в нем никогда не происходило. Мы снова обсуждали то, что случилось в закрытый клуб в центре Москвы. Я специально отделяла увиденное от предположений. Это оказалось труднее, чем звучит: мозг не любит пустых мест и заполняет их первым подходящим объяснением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.